

The background of the book cover is a photograph of a two-story house with light-colored walls and grey shutters on the windows. The house is partially obscured by a large, semi-transparent brown circle that contains the title and author's name. To the left of the house, there are tall evergreen trees, and in the foreground, there are green bushes.

НИНА
ЩЕРБАК

РАССКАЗЫ
И
НОВЕЛЛЫ

Нина Феликсовна Щербак

Рассказы и новеллы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57264330*

Н. Ф. Щербак. Рассказы и новеллы:

Аннотация

Книга представляет сборник рассказов, новелл и стихотворений.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	9
Спутник жизни	10
Три березы на Большой Морской	18
Плохая память	31
Облака пурпурного цвета	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Нина Щербак

Рассказы и новеллы

Нина Феликсовна Щербак

* * *

Об авторе

Нина Феликсовна Щербак – представитель уникального класса петербургской интеллигенции, кандидат филологических наук – специалист по германским языкам, филолог, прозаик, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ. Автор множества повестей, рассказов, комментариев, статей, опубликованных в многочисленных книгах и журналах, составитель сборников, автор литературных версий кино- и телесценариев, удостоенных государственных премий.

* * *

Я буду тебя целовать обязательно в глаза,
Чтобы ничего не знал и не видел.
Я буду целовать тебя только в глаза, как в уста,
Чтобы ты никогда никого не обидел.
Я буду целовать тебя только в глаза,
Тихо-тихо, не слышно, когда ты уснул.
Я буду целовать тебя,
Раз-два, раз-два, раз-два.
Чтобы ты жил и жил, тонул и тонул.
Я буду целовать тебя только в глаза,
Чтобы ты ликовал, и бежал по траве, словно бог, словно бог.
Я буду целовать тебя только в глаза, как в уста,

Раз у них так мало причин и так много дорог.

Предисловие

Книга представляет сборник рассказов, новелл и стихотворений.

Спутник жизни

«Да, вы с ума сошли! Просто, спятили!» – в который раз подумала Лиза. Она сидела на кухне у известного писателя Константина Громова и уже три часа слушала его рассказ о литературной жизни обеих столиц и современных литературных знаменитостях. Коньяк попросить она хотела еще полчаса назад, но почему-то не стала, здраво поразмыслив и решив, что все-таки не стоит и как-то неудобно. Спросить, почему он рассказывает ей именно о писателях, да еще тех, кого она почти не знает, она тоже не решалась, но последняя история была важной для него, судя по всему, по-настоящему, и перебить его, или остановить, не только не хотелось, но не было никакой возможности. Он смотрел на нее чистыми голубыми глазами, не мигая, под аккомпанемент все той же истории, которой, казалось, все не было, и не было конца.

История пахла чем-то лермонтовским, печоринским, была она о скуке, о взморье и происходила очень давно. Была она, эта история, как будто бы из другого времени, из другого века даже. Писатель был учтив, вежлив, даже обходителен, изредка поднимал на Лизу пытливые глаза и через каждые пятнадцать минут угощал бутербродами с семгой и всем тем, что было у него приготовлено и заботливо расставлено на полках в холодильнике. Угощал как-то по-простому совсем, искренне и естественно. Когда дошла

очередь до пирожных, она еще раз оглядела комнату и вдруг заметила, что свет был давно погашен, и на кухне, и в комнате, а за окном стемнело совершенно, лишь было слышно, как капает усталый дождь по железному подоконнику, мерно отстукивая вялый ритм своим расцепленным на миллиарды частиц телом.

История была странной. И сама по себе, и благодаря той манере, в которой он рассказывал Лизе, еще совсем молодой девчонке, о тех давнишних событиях. Речь шла об очень известном писателе, (который, совсем недавно умер), и который, по словам нашего гостеприимного рассказчика (к которому Лиза, без пяти минут выпускница Лесотехнической Академии, зашла по просьбе подруги, и у которого задержалась на несколько часов, не в силах встать, не дослушав повествования), был страшным человеком.

Константин Иванович поехал тогда вместе с ним куда-то на юг, в Крым, или на Кавказ. Поехали они, по какому-то там заданию, о котором Константин Иванович тоже долго рассказывал Лизе, только Лиза совсем не запомнила «каком», и все понять не могла, в принципе, куда и зачем они ехали так долго. В общем, ехали они, то ли в Тифлис (Шаганэ, ты моя Шаганэ), то ли Сочи или Адлер. В общем, куда-то ехали они далеко, где кипарисы, каштаны, море, галька, запах шпал, детство и немного выступлений в местных домах культуры. Еще там была одна существенная деталь, о которой Константин Иванович все время напоминал Лизе, чтобы

не забыла. Бесконечные перелеты на самолетах российских авиалиний, посадки, взлеты, гостиницы, снова гостиницы, а потом еще по стране на поезде, и «на перекладных». Местные такси, ведь, быстрые. Окна раскрыты, задувает из них ужасно, скорость бешеная, а водитель сидит, весь в черном, свесившись из собственного окна, прямо на улицу, а когда просишь сдачу, (как рассказывала Лизе ее мама или тетя, очень давно, когда вспоминали о путешествиях в те края, в студенчестве), только оборачивается, к тебе, и со смехом говорит, почти плюнув в лицо: «Сдачу? Тебе сдачу? Ты вазьми сваи тыщу рублей! Вазьми еще сзади огромный арбуз, и иди! Иди себе отсюда, откуда пришла!»

Константин Иванович поехал туда с этим, вот, известным на весь мир писателем, на котором была, как он помнил, и как рассказывал потом Лизе, тончайшей кожи куртка, удивительной дорогушей кожи, которую тогда, лет двадцать-тридцать назад, вообще и достать было нельзя, не то, что купить. Был он красивым этот известный писатель, самоуверенным, шикарным. Ездил по заграницам, декламировал свои произведения со сцены, и слыл, как говорится, подонком редкостным, хоть и обворожительным. Единственным, в своем роде. Была с ними в ту поездку еще одна девушка молодая, красивая, не писательница, обладательница какой-то другой, более мирной профессии, с ребенком лет шести, мальчиком. Была она с ними, непонятно почему, случайно, просто ехала вместе, стало быть, с этим, вот известным писателем, и

Константином Ивановичем. Была она, при этом, еще и женой испанца, который приехал в Россию давно, непонятно зачем, но жили они счастливо, и именно ему она, время от времени, и звонила по автомату, которые, как вы помните, (а Лиза, признаться, не очень!), стояли повсюду, каждые сто метров, особенно если это была южная проселочная дорога, или центр городе, недалеко от железнодорожной станции.

В какой-то момент Константин Иванович рассказал Лизе, что известный писатель, как глянул на девушку, то весь обмер, сразу пообещав, что она разведется через неделю. Кому пообещал? Да внутренне как-то, похоже, пообещал. Так и сказал, или тихо, про себя, или громогласно. А, может быть, знаете, не сказал, а просто Константин Иванович вдруг почувствовал, что так и будет, так оно и будет. Ехали они долго. Известный писатель все оборачивался и смотрел на девушку, а она только сыном своим и занималась, улыбалась ему, чему-то учила, читала книжку, и, похоже, только и думала о своем испанце-мачо-идальго, ни о ком больше.

Ночевали они в гостинице, а утром куда-то поехали опять. «Помните, я вам еще про Коктебель рассказывал, про тех, кто Цветаеву помнит, так вот та-а-а-м...?». В общем, финалом была посадка на самолет, до которого они ехали сначала на поезде, а потом на машине. Туда, до аэропорта, как раз на машине семь часов и ехали, а когда доехали, она вышла, с заднего сидения что-то стряхнула, и пошла... сына кормить, покупать ему что-то в близлежащем кафе, перед

отлетом. Покормила, попоила, а когда вышла на улицу, то он, писатель этот великий, ей охапку цветов и принес, вынес, черте откуда. И рухнули они, эти цветы, прямо к ней в руки. Море просто цветов притащил, которые у нее из этих самых рук так сразу и выпали, так и повалились, посыпались, и что-то там еще было. Правда, только известный писатель и помнит, что именно там было, но он остался на юге, а она вместе с Константином Ивановичем полетела тогда домой, на этом самом самолете, до которого на перекладных, и ехать-то так долго. Летели они на самолете, и уже в Петербурге потом распрощались. А Константин Иванович рассказывал Лизе, что она, эта девушка, чуть в обморок не упала, как только в Пулково сошла с трапа и пошла по асфальту мокрому от дождя осеннего, вдаль.

Он перевел дыхание. Спросил, не хочет ли Лиза чаю. Лиза попросила чаю, и попросила с сахаром. Тронул ли ее рассказ этот, наконец, как ожидалось? Да, не очень-то, тронул. То ли дубиной она была, законченной, то ли было ей как-то странно, неловко, неудобно. Лицо великого писателя она могла представить себе очень легко, знала его хорошо, почти с детства. Детское лицо такое, улыбчивое. Худой, бело-брысый, на кого-то похожий. Был он на тот момент достаточно стар, чтобы вообразить, увидеть, каким он мог бы быть в молодости. В общем, история была почти правдоподобна, и должна была как-то завершиться, все-таки, легко или печально, но как-то дать о себе знать, как о завершенной, рас-

ставить самой себе акценты.

Лиза все смотрела на Константина Ивановича, понимая, что верит ему абсолютно. Поиски романтики и смысла, впрочем, рушились необъяснимым образом. Знала она и то, что в ней самой Константин Иванович не был заинтересован, вот, ни капельки. Как каждый писатель только ловил эту самую историю, ее судьбу, как будто бы хотел возродить ее, историю, создать на глазах подобно фокуснику в цирке, одновременно задушив, убив, себе самому и присвоив. Вы видели писателей, которые сочиняют истории вместе? Ну, бывает, конечно, да только очень редко бывает. Написал, сделал... Есть в этом какая-то особая неправда писательства, в поиске сюжетов и историй. Лиза смотрела на Константина Ивановича, интуитивно пытаясь ему помочь, хотя бы слушая, хотя бы проникаясь самой идеей быть музой. Но история все равно никак не трогала, не разворачивала вспять внутреннюю судьбу, душила саму себя, как падающий вниз, плохо надутый шарик, который должен был бы родиться, но даже не умер, ведь.

«Верите ли, позвонила на следующий день. Пришла. Плакала. Просила его адрес. Говорила, что когда муж встретил ее в аэропорту, то рассказывал, что именно в тот момент, когда ей было плохо перед взлетом, ему тоже было как-то... ну, совсем не по себе. Чуть не умер»

Лиза глотнула чаю, подумав, впервые за весь вечер, что, слава богу, очень устала.

«А потом, через два дня, вы меня слышите? Я узнал, что ушла она от своего испанца. Ушла, насовсем».

Лиза попыталась отреагировать, но снова почему-то не смогла. Не знала почему, но не могла ничего спросить или ответить, даже из вежливости.

Константин Иванович встал, медленно прошелся по комнате, налил Лизе чаю, стал рассказывать, что потом, через много лет, в Москве, он встретил этого самого известного писателя в Доме Книги («знаете, когда писатели друг друга видят, они сразу задают вопросы внутренние друг другу, «с кем вы», «откуда», вот он так на меня оценивающе и смотрел, долго-долго...»).

«А потом я подошел к нему и спросил, спросил «помнит ли он нашу поездку на юг страны, и, как теперь «та женщина»?...

Та женщина...

«Знаете ли, что он ответил, Лиза?»

«Он ответил, «какая женщина?», и – отвернулся».

Лиза вскинула глаза на Константина Ивановича, удивляясь, что они, эти глаза, были снова добрыми и безучастными, как будто бы история эта была рассказана ни для чего, так долго рассказывалась, но вот так, просто так, совсем, ни для чего была. Она силилась понять, верит ли она в эту историю, и зачем Константин Иванович рассказал ей о тех событиях, а самое главное, действительно ли произошло это все, то есть была ли возможна такая ситуация, чтобы моло-

дая женщина, с ребенком, без памяти влюбленная в своего красавца мужа-испанца, за два дня потеряла голову, и даже не влюбилась, а совершенно отравилась этим самым известным писателем, как бывало только в романах Стефана Цвейга, который, все-таки, писал очень давно, хоть и красиво, и который покончил с собой, как известно, тоже давно, и менее красиво. Вообще-то! И о чем разговор!

– А самое интересное, знаете ли, – продолжал Константин Иванович. – Самое интересное, что я много раз пытался рассказать эту историю или написать ее, положить, так сказать, на бумагу, но рассказ никогда не получался.

Он смотрел на нее вопрошающе, а Лиза вдруг вспомнила, что одна ее подруга ей недавно сказала по телефону, что мы сначала находим свое место в жизни, потом находим себя, а потом только, вот, потом, – встречаем, наконец, своего спутника жизни. То есть, спутника, в общем-то, встречаем, если повезет, достаточно поздно.

Три березы на Большой Морской

Она так его любила, как мужчин не любят, конечно. Дико любила. Даже ненормально дико как-то. По утрам просыпалась, когда он шел на работу, делала завтрак, и все не могла отделаться от мысли, что снова не хочет с ним расставаться, даже на несколько часов, как было тогда, когда они только познакомились, давно-давно. Дети принесли в эту любовь счастье, без всякого сомнения. Их было двое близнецов, безудержно катающихся теперь взад-вперед по квартире по паркету и коврам, и забота о них, как и нежность, сжимающая горло, были спасительным якорем ее чувств, как и надежным пожирателем всей оставшейся энергии и любовных поползновений. И все-таки сильнее всего она любила его, с той же отрешенностью, безудержностью, с которой вдруг поняла, как важен он в ее жизни, когда они только познакомились.

Было это на корпоративном праздновании Нового Года в большом петербургском ресторане, на Большой Морской улице. Притушили свет, на сцену вслед за выступлением сотрудников вышли странного вида роскошные гейши в разноцветных одеяниях и начали медленно танцевать. Она отвернулась на сцены и вдруг заметила, что рядом сидит очень жизнерадостный мужчина и упорно смотрит прямо на нее.

– Вы танцуете?

Вопрос был столь странным и старомодным, что она даже не обратила внимания на то, что мужчина, по всей вероятности, действительно, приглашал ее танцевать, и слегка удивился, что она вместо ответа продолжала сидеть и молча смотреть на него. Когда они, наконец, вышли на середину зала, она, поняла, что внутри все каким-то странным образом ожило, зануло. Почувствовала этот внезапный прилив чувств, в считанные минуты, как будто бы ощутила вживую постепенно растущую рану на сердце. Ей было страшно больше всего от того, что осознание этого внезапно нахлынувшего чувства было слишком быстрым, молниеносным. От него пахло немного более едким одеколоном, чем обычно нравился ей, и, как она подумала почти сразу, запах этот практически ее парализовал, как будто ей ввели шприцем отраву под кожу, помимо ее воли.

Сколько она себя помнила, всегда мучилась, почти сразу после того, как познакомилась с ним. Она была очень эмоциональной, и в этом, ему, конечно, – неровней, потому что все время хотела быть с ним рядом. Скрывала это даже от самой себя, стыдилась. Знала, что не любовь, а просто животная привязанность. Уже давно такой была, сама от этого переживала ужасно, но ничего особенно правильного поделать с этим не могла. Прирастала сиамским близнецом к тому, кого любила, и тем самым, сразу отдаляла любого человека на почтительное расстояние, вызывая раздражение, как только он в этом убеждался. Алексей не мог быть исключением.

Он был улыбочив и добр, и казался теплым настолько, что она, просыпаясь ночью, ловила себя на мысли, что не спит только для того, чтобы представить, о чем они говорили сегодня, как он наклонился к ней и ее поцеловал. Длилось это единение душ, впрочем, совсем недолго. Бессонные ночи, письма, прогулки. Радостное счастье такое короткое почему-то, а на смену ему... А потом остались только промежутки между встречами и недомолвки, его плохое настроение, его проблемы, снова прохладные встречи, отсутствие его проблем, как и тем для разговора. Поссорились, помирились, поженились, развелись, снова поженились. Прохлада семейной жизни была еще более странной, но заботы поглотили отчаяние, и снова появилась неосознанная надежда. Ей все чаще казалось, что все это происходит не в данное время, а где-то в детстве, как что-то неоформленное, зыбкое. Как будто бы они были просто подружками, которые даже не дружат, а хмуро бродят по улицам, рассказывая друг другу о каждодневных неприятностях, а потом снова разбегаются, каждая по своим углам.

Когда Алеша уходил или потом – уезжал, появлялась эта странная боль внутри, не дающая покоя. Он был неразговорчив и все время о чем-то думал своим, находясь как будто где-то далеко. Это не было таким обидным в момент общения, но становилось совершенно невыносимым, когда его не было рядом. Как будто все внутри нее его помнило и о нем начинало тосковать безудержно. Сознание рисовало невоз-

возможность как обиду, а постоянное неудовлетворение давило как каменная плита, пропуская через невидимую мясорубку все внутренности. «Где он сейчас, почему не со мной?» Даша хорошо знала, что подобные мысли для взрослой женщины были не просто наивны, а глупы, если не сказать, до безумия эгоистичны, и все же именно так ей казалось и чувствовалось, и, собственно, именно эти мысли вертелись у нее в голове круглые сутки. Не могла она к нему привыкнуть, не могла охладеть и жить спокойно. Видела, и снова слезы наворачивались на глаза, как будто каждый раз, рано утром встречала его впервые, видела заново его сильную шею, красивые руки, расправленные плечи, загорелый торс. Как будто бы не проходило то ощущение дрожи при виде человека, которого любишь, которое обычно так сладостно вначале, но которое, по каким-то мировым законам, достаточно быстро проходит, уступая место чему-то фундаментально другому, значительно более спокойному.

Оба сына были на него похожи, словно копии. Когда Даша обнимала их рано утром, склонившись над кроватью, то все внутри танцевало непонятный и страстный танец, каждый мускул оживал, а кровь бурлила во всю, в надежде вырваться наружу. Нежность боролась с чем-то страстным, болезненным. Иногда она даже боялась прижимать сыновей к груди, казалось, немного сильнее обнимет, и просто задушит их от радости какой-то, ниоткуда пришедшей, и безысходности.

Он уехал в командировку, почти не попрощался. Позавтракал, бросил вещи в чемодан, чмокнул в щеку и поехал на вокзал. Она сделала над собой усилие, чтобы не поехать следом, не собрать детей и не броситься ему вдогонку. Удержалась, правда, легко. Мальчишки проснулись и уже отчаянно требовали внимания. Иначе бы, даже не задумалась, пешком, на машине ли, самолете, догнала бы, не отпустила.

В этот раз на душе было совсем неспокойно. Ночью она переворачивалась с боку на бок, почти не спала. На следующий день проснулась часа в три, снова не могла понять, где находится, как бывало часто последние полгода, как будто бы во сне пыталась до него домчаться, доехать, встретить снова, и все время упускала из виду. Мысли о нем так странно врезались ей в голову, что ни на секунду не оставляли, даже когда заботы и сотни телефонных звонков, казалось бы, должны были как-то отвлечь и отнять силы. Она смутно могла себе представить, что будет дальше, сможет ли она, к примеру, когда-нибудь спокойно чем-то заниматься, жить и просто радоваться. Как будто бы сама себе подписала приговор, и сделать с этим уже совсем ничего не могла. Как будто бы сама заговорила себя на какую-то странную, медленную, никому неведомую и непонятную гибель.

Наутро отвела мальчишек в детский сад и пошла на работу. В юридической конторе помогала вести дела известным и малоизвестным адвокатам. В метро сидела, закрыв глаза, засыпала, пока вдруг кто-то не окликнул ее, склонившись над

самым лицом, и нашептывая что-то на ухо. На мгновение испугалась, одернулась. Голубоглазый блондинистый мужчина, высокий и импозантный, буравил ее взглядом, и уже пять минут рассказывал ей об их какой-то важной и памятной встрече три года назад на юге. Она, смутно вспоминая, как жили все в одном большом доме, с детьми и семьями, кивала в такт его рассказу, слушая и чудом для себя припоминая, как он, действительно, выходил рано утром бриться в общий дворик и разговаривал с ней, заваривал себе чай на общей кухне, а потом снова болтал с ней. Когда поезд подъехал к Невскому проспекту, она подняла голову, посмотрела в его глаза и вдруг отчетливо поняла, что любит его без памяти. Эта мысль, так быстро пришедшая ей в голову, была столь ужасной, что она отпрянула от него, что есть силы, вдавливаясь в спинку сидения. Откуда? Чувства, возникающие в сердце или в душе, всегда вынашивались годами, да и было это давно очень, и были эти самые чувства обусловлены общими притязаниями, ожиданиями, временем. А здесь все произошло за три минуты, и спустя эти три минуты она отчетливо понимала, что дороже этого человека у нее никого нет, и не было, как и то, что все это произошедшее ужасно и совершенно невозможно. Он вышел вместе с ней на платформу, как будто бы угадал ее мысли. Оказалось, что он следовал в ту же юридическую контору, что и она, и даже был готов помочь ей сделать какие-то там бумаги и документы, и как-то все это странно совпало, как в странном западном ки-

но. Кровь внутри пульсировала, отдавала в голову, как будто бы все тело сотрясала немыслимая неоткуда пришедшая и нечистая сила.

– От лукавого, – с ужасом повторяла она, – дура ненормальная.

Она снова пыталась подумать об Алексее, и, не находя в себе силы заставить себя это сделать, снова поражалась тому, как быстро это все самое странное – произошло с ней. Алексею она позвонила и он, слава богу, на четвертый звонок, взял трубку. Был занят, что-то быстро проговорил, вернее, прокричал даже, отключив аппарат после разговора практически сразу. Даша набирала его номер еще несколько раз, но все – безуспешно. С трудом дождалась следующего дня, когда должна была снова идти в контору, зная, что встретит его там, и с некоторым ужасом ожидая, что же будет дальше.

Встретила. Удивилась. И тому, как он посмотрел на нее, также странно, непривычно по-доброму, также обворожительно обещающе, как она даже ожидать не могла. А когда посмотрел, ей сразу пришлось опустить глаза, была не в состоянии выдержать его взгляда. Не хватало дыхания, было снова нестерпимо стыдно, не от желания или страха, а от того, что это было, без всякого сомнения, не сиюминутное увлечение, а что-то серьезное и мучительное, и, самое ужасное, что-то так некстати повторяющее все те ощущения, которые она испытывала, когда встретила Алексея впервые, на том странном восточном корпоративном вечере в ожидании

Нового Года.

Денис, этот злополучный «первый встречный в метро», поступил к ним на работу, на полную занятость. Когда она узнала об этом, то вышла в коридор, медленно дошла до туалета, стараясь не покачиваться, закрыла лицо, чтобы никто не видел слез. «Как же так?» – вертелось у нее на языке, но она вновь видела перед собой его улыбку, и ей вновь и вновь хотелось только одного: ощутить его присутствие.

Снова звонила в Москву, Алеша снова не подходил, или подходил и говорил очень кратко. Целовала мальчишек, повела их в супермаркет, и целый час поила чаем с пирожными и черствыми булочками в кафе. Пыталась вспомнить, как жила все это время, как ни одной минуты не думала ни о ком кроме Алексея, как мучительно это было, при ощущении полного безучастия и равнодушия. А потом поняла, что ничего не может с собой поделать. Только пытается представить, как обнимает Дениса, и уже давно знает, что это самое светлое чувство и давно – смысл жизни, и что он, конечно же, думает все также, и то же самое, и главное, – нуждается в ее заботе. Ощутив прямогу и ужас собственной женственной слабости, ей стало вдруг совсем нестерпимо. Она пыталась отгонять эти странно пришедшие, тяжеловесные мысли, зная, хорошо зная, что только они и приносят ей теперь долгожданное ощущение счастья, и ради них она собственно и просыпается по утрам.

Через пару дней позвонил Алексей, он был в приподня-

том настроении, сказал, что все хорошо, попросил не беспокоиться, сообщив, что задерживается еще на десять дней.

Проснулась ночью. Вся горела. Вспомнила, как они впервые поехали вместе отдыхать на юг, и какие были теплые вечера, как пахло кипарисами, и как святились маленькие красные маячки на горе, и как на базаре они купили много винограда и зелени, а потом смеялись, пили красное вино и не спали все ночь. Ей тогда казалось, что они стали единым целым навсегда. Было невозможно представить себе жизнь вне его, было невозможно себе представить, что этот фейерверк разговоров, чувств, ощущений можно чем-то заменить. Когда они гуляли, она обычно обнимала его за талию, прицеплялась пальцем руки к его поясу, так они и гуляли по аллеям, так и шли, казалось, по жизни. Длилась эта идиллия, правда, совсем недолго, а потом началась обыкновенная жизнь. Вместе и порознь. Жизнь, которая ее давно и совершенно устраивала, собственно благодаря ощущению того, что дороже его нет никого и быть не может, и что так было и будет всегда. В минуту этих воспоминаний и размышлений она вдруг с радостью поняла, что, наконец, забыла все-таки о Денисе, и ей больше не хочется представлять себе, как он улыбается и обнимает ее за талию, как она тонет в его объятиях, и засыпает где-то на берегу моря. «Снова? Почему «снова»? Я что-то путаю», – твердила она себе, с ужасом понимая, что окончательно запуталась, и что ей дико хочется любви и полета, как никогда, вернее, как в юности, и что это

самое ужасное, что могло приключиться, потому что тогда, в юности это было одно, а теперь она не только не сможет себя уважать, но и жить вообще больше не сможет, и делать ничего не сможет, потому как тогда надежды не будет уже ни на что, если только понять, что в жизни все так страшно и несправедливо.

Если пять лет назад, она иногда мечтала о чем-то новом, неожиданном, хоть на мгновение, тайно от других, и, конечно, от себя, теперь отчетливо осознавала, что изменение чего-либо в этой ее странной и немного грустной жизни, будет полным крахом. А еще она отчетливо осознавала, что отделаться от мысли о Денисе она не может все равно, как ни старается, как будто ей в голову ввели электроды, и парализовали волю. А еще было это тепло невероятное внутри и радость, как будто извне на нее проецируемое, ниоткуда снизошло чудо и уже не точила ее, а обжигало.

Утром он встречал ее у ворот офиса. «Чтоб ты провалился!» – вертелось у нее на языке, но, увидев его, она почувствовала такую нежность и странный трепет, что даже не могла уже на него сердиться.

Красивым он не был. Да, не был, конечно. Сильным торсом тоже не обладал, в общем-то. Пронзающие, бьющие вовнутрь токи были столь явными, что она даже глаза закрывала и ежилась вся, только бы никто не видел ее лица, на котором, как ей казалось, все отражалось в первозданном виде.

– Наваждение какое-то, – успела сказать она ему, но он,

похоже, не расслышал, или сделал вид, что не расслышал, продолжая ей рассказывать о чем-то своем, о вчерашнем и завтрашнем, работе, доме, ну как обычно.

Начала рассматривать его, сначала исподтишка, потом явно, открыто. Просто сидела на другом конце коридора, сбоку от кофе-аппарата и глядела на него. Он был очень быстрым, и, в отличие от Алексея, ярким каким-то, активным. Как заряжал энергией от одного своего присутствия. Все поймет, вертелось в голове. Все поймет, и будет слушать, и будет все знать обо мне и любить, и просто очень хорошо будет, как раньше. Как когда-то раньше. С этой мыслью она покидала работу каждый день и вставала теперь рано утром, чтобы быстро заварить кашу и одеть детей, о которых теперь думала в самую последнюю очередь.

В какой-то момент ей стало нестерпимо от мысли, что все придется делать заново. Красный цвет рубашки Алексея так шел к его загорелому лицу, а Денис... Денис никогда не носил таких рубашек. Ей становилось страшно от этих мыслей, неловко. Стыдно снова до такой степени, что было невыносимо оставаться наедине с собой. И все-таки она радовалась, дико радовалась каждый раз, когда видела его, и от этого пронзительного ощущения боли было совершенно некуда деться. Уже собиралась идти к нему, когда позвонил Алексей и сказал, что вернется через полчаса. Встретила его на пороге и обняла. Он как всегда быстро позавтракал и ушел готовить бумаги для предстоящей встречи в офисе.

Самое страшное было впереди. На следующий день, когда Денис встретил ее перед входом в контору с букетом цветом и смеялся от счастья и радости, как ребенок, повторяя, что ждал этой встречи очень давно и всю жизнь. Шутил про любовь, хохотал до упаду, и она шутила и смеялась, тонула в его взглядах и в этой жуткой идеи возможности, о которой всегда мечтаешь, как о последней надежде, но которую вовсе ведь и не ожидаешь никогда. Поймала себя на мысли, что постепенно свыкалась с мыслью, что в ее сознании их теперь будет всегда двое, и от этого сладостного примирения, вновь хотелось жить и надеяться, а отчаяние отходило на задний далекий план, пытаюсь спрятаться где-то там, на случайных похоронах на самом дне сердца.

– Только бы он уехал, только бы разлюбил, только бы это все закончилось, – думала она вновь и вновь, отгоняя от себя ощущение его каждодневного присутствия. Но он не уезжал, и разлюбить тоже не собирался.

Целый год.

Потом, впрочем, в один прекрасный день собрал вещи и уехал в другую страну. Узнав об этом, она села на стул и, одну за другой, съела всю коробку конфет черного шоколада, которую он ей подарил накануне, когда они долго шли по Московскому проспекту до близлежащего метро и о чем-то весело болтали, держась за руки. Потом ее вырвало, а потом она с облегчением поняла, что можно и нужно снова идти домой, что слушать ее о ней уже никто никогда не будет,

и что можно, наконец, просто жить и думать об Алексее, и ждать, что когда-нибудь, когда-нибудь... Вернее, что он никогда больше ни за что не появится в ее жизни. Через полгода она узнала, благодаря случайно оброненной фразе, что в Москве у Алексея была подруга, и что те ощущения, которые она испытывала, были каким-то общим котлом эмоций, в который они все одновременно погрузились. Эта информация ничего не прибавила и не убавила, было все равно. Память, нет-нет, а все равно лелеет первые минуты неподвластных чувств, которые, к счастью, проходят, уступая место чему-то более важному, сильному, настоящему. А еще она знала, что по какой-то странной причине или аномалии, эти, вот, первые ощущения любви, у нее никогда не стирались, как будто химическая формула, заложенная в голову при первом взгляде на того самого человека, в ее собственной голове так и оставалась неизменной, вопреки всем открытым законам и зарытым воспоминаниям. Она также плакала, когда видела его по утрам, также бешено скучала, когда уезжала, но перестала считать это чем-то особенным, как будто привыкла, что должно и может быть только так. А Дениса она тоже очень ждала.

До сих пор ждет.

Через полгода Алексей скажет ей, что никакой девушки в Москве тогда у него не было, и что он все специально налгал и придумал.

Он ведь тоже ее очень любит.

Плохая память

Василиса сидела за столиком белоснежно-красного средиземноморского кафе, украшенного цветами и античными вазами, уже в течение получаса, и внимательно изучала решительное лицо красивого белобрысого шведа в ярко синей спортивной куртке, который рассказывал ей о смысле жизни, залихватски откидывая волосы назад.

– В Швеции, знаете ли, все очень непросто теперь, даже, можно сказать, что – сложно, – он смотрел Василисе в глаза, а потом снова их опускал куда-то в землю, как будто бы искал там что-то важное, удивительное, давно потерянное.

– Правда? – Василиса пыталась поддержать никак не начинающийся разговор, лихорадочно соображая, каким будет его исход, и как сделать его, это исход, хоть немного более благоприятным. Было ей неуютно, неловко, от какого-то внутри зародившегося и уже проявившегося в легкой дрожи по всему телу, ощущения, что она не может ни на одну секунду расслабиться, сосредоточиться на чем-то своем. Как будто бы ее жизнь была давно подчинена неведомой силе, которая над ней, над этой жизнью Василисиной, теперь властвовала, и которая ее, эту жизнь Василисину, куда-то постоянно звала, манила, а может быть, просто нагло и бесцеремонно затаскивала.

– A well-designed plan. У меня расписание, – швед говорил

по-английски, мягко и медленно, продолжая потягивать свежавыжатый апельсиновый сок, подробно рассказывая Василисе о том, что все события в их семье давно расписаны до мельчайших деталей, по дням, часам и минутам. И если не успеть сегодня отвезти деньги в банк к девяти утра, то полетит все сразу после этих самых девяти часов, и ничего нельзя будет вернуть. Швеция сдохнет, а он еще и потеряет работу, близких друзей, покончит жизнь самоубийством. А если следовать этому графику «до девяти», то все будет замечательно, хотя, все равно, знаете ли, «хуже нет», потому как «женщины все на работе», а «мужья сидят дома с детьми», «пособие за это сидение – бешенное», а «дисциплинировать себя человек не очень-то может», и, вот, «вы не правы», вернее, «вы очень правы», что от религии, достатка, возраста и пола «хоть что-то зависит».

Василиса пыталась понять, что именно было так тяжело в этом разговоре со шведом. Вдруг в какой-то момент поняла, что он вовсе не хотел с ней познакомиться особо близко, даже полюбезничать, пококотничать хоть немного не хотел, он очень, вот, жаждал, чтобы она его как-то развлекла, чем-то задела, тронула, отдала энергию, сколько хватит, ну, сколько не жалко. Будучи деликатным, воспитанным человеком, судя по всему, он совсем не мог дать ей это понять «впрямую», высказать без обиняков. Он был явно заинтересован глотнуть свежего воздуха, который, как он полагал, мог быть незамедлительно доставлен, здесь и сейчас, в лице этой, вот,

девушки.

В какой-то момент ей показалось, что он даже прикладывал некоторые шведские усилия к тому, чтобы понять, что именно в ней, в Василисе, его может тронуть на данный момент. Прокручивал в голове возможные варианты импульсов, на которые его мозг мог дать слабину. Пытался настроиться. Ребрышки? Совсем хилые, торчащие в разные стороны, но переходящие в загорелые лопатки все-таки. Брови, несколько широкие, но трогательно стоящие домиком, если ракурс слева. Заметные морщинки, на руках, на щеках, чуть больше придают уверенности ему? Сутулость, тоже неплохо. Ведь это отсутствие продуманности и заботы о себе, явный признак неуверенности или эгоизма, недостаток спонтанности. Опять-таки, плюс. Василиса попыталась придумать, какие еще могут быть изъяны, которые отвратят и одновременно привлекут мужчину или вообще кого-нибудь. Силилась вспомнить. Почему-то в голову пришла мужеподобность. Этого, правда, у нее не было отродясь, но, увы, именно это сыграло бы решающую роль сейчас. Так она подумала. И дело вовсе не в Швеции, но в том, что есть в этой монументальности некоторых женщин какой-то странный и привлекательный атавизм, который отвращает и заводит одновременно, оживляя какие-то совсем неведомые внутренние импульсы.

– И этого нет, господи, Боже мой, – подумала она и почти разозлилась.

– Вы хотите пройти со мной? – вдруг спросил швед. – Walk...

Василиса вскинула на него глаза, и вдруг вспомнила, что вчера, у лифта, он даже не пытался отрицать, что не хочет помогать перенести вещи, когда не очень молодая русская женщина попросила его в гостинице помочь ей и ее внучке, когда они неторопливо и неловко выбирались из старомодного лифта, вместе с десятью чемоданами:

– А эм сорри, я опаздываю на ужин, – сказал он, и Василису как-то кольнуло, что он так грубо, равнодушно поступил. «Мы все куда-то опаздываем», – подумала она, очень расстроилась, и еще раз внимательно посмотрела на него, чтобы уж точно запомнить, что он холоден, равнодушен, наверное, груб и совершенно ужасен.

* * *

Она сидела на пляже уже полчаса, смотрела на море, ощущала тепло песка и солнца, и думала, что, наверное, хотела бы пребывать в этом состоянии всю жизнь, и что недели может не хватить. Отпуск был неожиданным, и бухгалтерская контора, где она старательно работала вот уже десять лет, выделяло столько времени не всегда. В этом году ей просто повезло.

Крит был островом жизни и улыбок. Отовсюду лилась музыка, а танцы продолжались до утра. Приветливые лица в

кафе по всему взморью обещали радостные минуты, жизнь искрилась в них, как будто бы острова не коснулась ни одна война, ни одно землетрясение, ни одна трагедия, не считая падения Римской Империи, и того, что было, и правда, ну очень давно. Приветливые, дружелюбные, смешливые, изредка похожие на античные статуи люди ходили взад-вперед, торопливо собирая тенты, зазывая в рестораны и сиюминутно раскрывая по всему побережью бесчисленные зонтики разных цветов, которые тянулись вдоль пляжа, меняя окраску и размер, приветливо кивая послушными смешными головами.

А закаты здесь были такой красоты, что просто сил не было оторваться. Выходила Василиса из гостиницы и сидела на взморье, долго-долго, смотрела на море, как на большущий белоснежный экран в кино. Огромный шар разноцветный каждый вечер садился в воду, пахло сладким, каким-то, действительно, сладким морем, как миндалем на католическую пасху, пряностями на восточном базаре или мамиными ладонями, когда уткнешься в детстве. Песок был желтым, крупным, а галька мелкой, серой. Пена морская шипела, булькала. Возле пляжа стояли две красивые лошади, запряженные в белые кареты. А потом, если два шага в песок горячий, то снова – слева-направо – как на пленке – панорама, небо-море, калейдоскопом смена цвета, зыбь и удары волн. И снова цвета. Синий, бардовый, изумрудный. Тепло. И снова тепло. И только тихо-тихо прибрежная волна дает знать, что море

только начинает просыпаться.

Запах был сказочный, солено-сладкий. Перед глазами быстро пробегали картины далекого времени, закрытого прошлого. Широкие палубы лайнера, на который они только что сели в Одессе, покрытые зеленой резиной. Пропитанные солью перила, бело-красные шлюпки, дымка полуоткрытых кают-компаний, где холод ужасный, и снова, снова – на верхнюю палубу, а там – пристань и через несколько минут – пароход отчалит. Средиземное море, Василисина мама в длинном платье, синем, в белых цветах, столько людей вокруг, а разговаривают они неспешно на незнакомом языке, изредка кричат, жестикулируют. Пароход отплывает, громкие протяжные гудки прощания.

А потом снова, но уже на пароме, по дороге в Хельсинки или Таллинн, совсем другое время. Он целует ее, и Василисина понимает, что всегда хотела ото всех убежать, хоть это и тщательно скрывала, хотела остаться в этой каюте надолго. Но пароход вновь отходит, и нужно бежать и махать тем, кто стоит на пристани. Так ждала этого момента, внутренне как-то ждала, но нужно, по какой-то тайной причине, обязательно нужно бежать вверх по лестнице на палубу и махать рукой. Он так сказал или она? Одевается, быстро-быстро, бросает ему в лицо кофту, или что-то еще, что на кровати лежало. В лицо, со всего маху, бросает и мчит себе по лестнице, на всех парусах, огнях. Чуть не упала, там ведь всегда, на пароходах, ступени высокие, не перепрыгнуть даже. Вот

и палуба. Видит, что пароход уже стоит к причалу стальным серебряным боком, кричит, что есть силы: «До свидания!» – с отчаянием машет стоящим внизу матерям с детьми и военным. Глупость какая, какого лешего сорвалась-то? Он целует ее в затылок.

Еще что-то вспомнила? Солнце припекало все больше. И больше. Моря ведь бывают разные, так ей недавно рассказывали. На Крите море особое и их, этих морей, целых четыре, кстати. Море здесь не такое как Мертвое, к примеру, где одна жижа, жарко и нельзя плыть, не такое как Красное, совсем теплое, парное, прозрачное. Критское море, что омывает остров с севера, не соленое, не теплое, а такое, как можно только мечтать – в самый раз, с прохладцей, мягко-нежное, и даже мужественное, что ли, решительное. Не хитрое – утопить, задушить, заманить течениями, а дружеское, хоть и строгое. Тело становится податливым, как будто бы сама превращается в рыбу, которая не живет под водой, дыша жабрами, а плавает вместо тела, шевеля послушным хвостом как во сне. Такое ощущение, что какое-то создание другое внутри просыпается, ну, женщины знают, ведь у них приятие себя важнее всего иногда. Как чувствуешь себя, так и живешь. Для мужчины, в общем-то, тоже, также, иногда бывает. Именно поэтому, вдруг подумала Василиса, швед с ней так старательно и разговаривал, беседу вел.

А что было-то? Да было, и было. Было как в кино. Как «Смерть в Венеции», в котором мальчик молодой, и тот, другой, в возрасте, замертво падает, гибнет от чувств. Или как в «Даме с собачкой», но это, уж, даже, как-то, очень будет однообразно пересказывать, как и то, что бывает на море.

И как там хорошо бывает! И как теперь так не бывает. А если бывает, то не сейчас. Но обо всем об этом ведь все равно на море забывается. «Обо всем» это, непременно, конечно, «несчастный муж и не менее несчастные дети». Либо, наоборот, там, на море, обо всем – вспоминается. Как вспомнится! А времени как будто бы и не было. И не будет. И – нет. Его, этого времени и не существует вовсе. И живет человек, хочет – в детстве, хочет – в юности. Да, где угодно, в общем-то. А Крит ведь венецианский, в 16-м веке здесь все-все было, как в Италии, как в Римской империи. Хорошие дороги, илом, дебрями веков пахнущие люки. Сказочный остров гиен и чудовищ, богов и героев. Палаццо, в которых каменные полы и турецкие полукруги на окнах, как будто бы спишь не в комнате с видом на море, а в шатре. Балкончики маленькие, а келья гостиничная покрашена в зеленый салатный цвет. Кофе, крепкий, ароматный, по утрам, из окна запах доносится. Ряд кафе покрытых зеленью вдоль моря тянется, вдоль пляжа. Как на картинках девятнадцатого

века, снятых во Франции, в особой скрытой от глаз студии на Монмартре, черно-белых, с настроением. Можно запросто просидеть и «проглазеть» на проходящих мимо хоть весь день, потягивая этот самый кофе.

А как это бывало?

* * *

Бывало! Было, всегда, как бывало у Василисы. И вены она резала, и письма она писала, и глупости разные себе представляла. И о возрасте забывала. И такого она понаделала, что очень странно, что до сих пор она в другой город-то и не переехала!.. Со шведом она встретилась на следующий день случайно, в магазине, маленькой лавке на углу средневековой улицы, с миллионом вазочек на полках, расписными тарелочками, надувными мячиками, разноцветной одеждой и кожаными изделиями. Он с готовностью пошел ее провожать. Долго гуляли по городу, пока огромное солнце постепенно садилось, меняя цвет воды и неба каждую минуту своего пребывания во вселенной. Молчали. Когда молчат, как-то все проще становится, даже – легче. Что-то внутри такое появляется, важное, нежное, что-то особенное такое.

Она до сих пор не могла понять, почему он ей все-таки так понравился. Все, что он говорит, было удивительно странным, неловким, скучным. А все же показался-таки знакомым. Показался знакомым он ей неожиданно, но ей Богу,

очень знакомым! Потом его целый день не было, а потом он опять появился. Снова рассказывал о Швеции, о том, что когда-то в юности был влюблен в девушку, и она его ужасно приревновала, а когда приревновала, то ударила ножом в грудь. Он даже показывал Василисе след от того памятного удара.

В последний день они сидели вместе за столиком, и Василиса вдруг почувствовала в себе невероятную силу внутреннюю, такое ощущение счастья, которое давно-давно не испытывала. Она вдруг с легкостью представила, что могла бы прожить с этим шведом всю свою жизнь, которая, да-да, очень непростая была бы, но очень счастливая. Она представила, что они легко могут жить в большом доме, деревянном, воспитывать детей, рассказывать друг другу о событиях прошедшего дня. Что все будет так мирно, так хорошо, что он будет вовремя приходить домой, никогда не будет ей звонить, когда она встречается с подругами, приносить ей на Новый Год билеты в какие-то дальние страны, на самолет, и опять на – море, всегда будет море вокруг, запах цветов и шум волн! Так вот и представила Василиса их жизнь, так вот и сидела, счастливая вся, кровь по венам, и грудь по удару в секунду. Она сидела и смотрела на него, этого шведа высокого, славного, понимая, что ждет от него одну единственную фразу, глупую какую-нибудь фразу, как, например... А эту фразу он никогда ни за что не произнесет, потому что не болван же он полный, в конце-то концов!

Была Василиса в некотором смысле, хоть и без фантазий особых, но зато далеко и ездить не нужно, особенно во Францию, или, там, в XIX век, на ковре-самолете. Швед потом, кстати, как-то очень воодушевился, в одночасье вещи собрал и приехал на пароме, в Хельсинки за Василисой. По телефону мобильному ее вызывал-вызывал, даже прислал что-то там такое срочное с курьером, чтобы она до Хельсинки доехала, то есть практически насилу доставил ее туда поговорить и обсудить ситуацию. Признался в любви, с еще большим пылом, сообщил, что бросил там, у себя в Швеции, практически все, включая мать с фамильным поместьем. Когда Василиса этой истории, наконец, поверила, он благородно отпустил ее обратно, в Петербурге, а потом предстал перед ней, аж, через сорок восемь часов, по ее отъезду из Хельсинки и приезду в Петербург. Предстал во всей своей красе, прямо напротив ее дома, под балконом, на Ново-черкасской улице, где и предложил, то ли выйти за него замуж, то ли еще что-то не менее серьезное, и не менее романтическое. Василиса долго не думала, но предложения не приняла, и домой шведа не пустила. Почему? Испугалась она. Смалодушничала. Не на шутку испугалась, так как поняла вдруг, что в любой момент своей жизни и, правда, может она потерять голову. Испугалась, потому что и не знала, что же с этой, вот, потерянной вдруг головой, поделать. Да и менять все разом она совсем не собиралась, оказывается. В общем, совсем она запуталась.

Вручить ему, прямо сейчас, душу, время, память, прошлое? Ему, и только ему? Отрезать, вырезать ластиком все то, что с ней было и так старательно, терпеливо жило – раньше? Заново изобрести, стало быть? Боролись, все боролись в ней разные чувства, эмоции, сталкивались как воины на бранном поле, как костяные бильярдные шары на зеленом бархате. Одно она понимала хорошо, что даже, если и не способна она была на тот момент на решительные действия, все равно, вот так, вот, вновь и вновь ощущала, что сидит он, напротив нее, болтает всякое-разное, а она, вот, знает, все равно, несмотря на все сомнения, знает, что это – «то», действительно, – «то». Потому как человек это «то» и не выбирает сам, и оно этим «тем» потом и – является. Если вдруг свалилось – в одночасье. Если вдруг судьба подарила.

* * *

– Дико плохая память у тебя, – вообще ее – нет. – Василиса в который раз проговаривала эти слова «про себя», пытаясь пригладить его белобрысую шевелюру, которая вновь и вновь выбивалась из-под ее руки.

Потом она долго смотрела в окно, слушая, как поют цикады, всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть приветливый месяц, проступающий сквозь облака, которых на Крите, ведь, никогда и не было вовсе. Там триста дней в году солнце, и никогда нет дождя.

«Мы гуляли тогда вдоль этого берега, шли с тобой вместе. Ты помнишь? Гуляли, и я еще заболела ужасно, у меня была ангина. Мы купили тогда специальное лекарство от простуды, но оказалось, что оно от чего-то еще, от сердца, что ли. Казалось, что я не встану с кровати никогда, а потом я вдруг взяла и поправилась», – она проговаривала это все, в который раз проводя рукой по раковинке ушей и волосам, так красиво и коротко подстриженным у самой шеи.

– Что ты делаешь? – спросил швед.

– Я пытаюсь рассказать тебе о себе все-все, что знаю и все-все, что помню, но, видишь ли, если я буду тебе об этом рассказывать, то придется лежать так три дня и не вставать. Ведь люди рассказывают друг другу о себе, каким-то другим образом, ведь, правда?

– Шведки всегда так делают...

– Шведки?

– Нет, а почему ты спросила?

– Мне показалось, что ты сказал «шведки»...

– Тебе показалось...

Василиса и сама не знала, почему тогда ему поверила, когда он стал эти свои истории рассказывать, про время, про давление, про то что «ни одной секунды». Она совершенно не знала, что было правдой, а что неправдой, не была она уверена и в том, что они потом встречались в Хельсинки или в Петербурге. Наверное, только на Крите, все-таки. Может быть, не сейчас, а когда-то давно. Год назад, или два. Или

десять.

«Ты люби меня долго-долго, хорошо? Просто, вот, ничего не делай. Не говори, не молчи, не гуляй, не разговаривай. Просто будь, вот с этой морщинкой на щеке, будь с этим, вот, улыбочивым ртом, когда засыпаешь. И чтобы запах тот же, прислониться и почувствовать, и чтобы...» – она снова пыталась ему рассказать что-то о себе и не могла...

Облака пурпурного цвета

Лесной царь

Было очень трудно пройти сквозь этот лес. Птицы, казалось, взмахивая большими крыльями, ударялись по ошибке о кроны деревьев, но не разбивались. Листья и ветки падали вниз, переплетаясь и застревая где-то совсем рядом.

Было душно, жарко и темно. Она долго-долго не могла привыкнуть, что дул такой сильный холодный ветер и было промозгло. Холод пронизывал до костей, все внутри дрожало и вздымалось, как будто бы тело существовало отдельно, было подчинено каким-то свои неведанным законам.

«Все равно увижу тебя, все равно», – повторяла она уже почти в забытии, пытаясь сосредоточиться и собрать последние силы.

Вокруг вдруг стали мерещиться эпизоды ее прошлой жизни, в них вплетались странные отголоски событий мировой истории. Концентрационные лагеря, фильмы ужасов, странные животные из пьес Шекспира, которые прыгали в темноте с одной ветки дерева на другую. «А этот откуда?» – снова думала она, уже не совсем отдавая себе отчет, сколько времени она проводила в этом странном зловещем лесу.

«Где ты? Когда ты опять появишься?» – пыталась она произнести в слух и не могла.

Потом на нее напал какой-то слизкий полу-оборотень. Она почувствовала его присутствие, когда перестало хватать дыхание и по всему телу прошел холодный озноб.

«Я должна дойти до тебя», – снова промелькнуло в сознании, и она ухватила за эту мысль, как будто бы она была единственно спасительная.

Снова вспомнила, как будто бы во вспышке, яркой вспышке памяти, как было лето, дуло теплым соленым воздухом с моря, и она, скинув рубашку и свитер, бежала к нему на встречу вдоль берега. Было жарко и необыкновенно хорошо. Как давно это было? Очень давно... Очень давно...

Снова эти птицы, потом небольшие кабанчики, совсем маленькие, неопасные, она снова и снова тыкалась своими пяточками в ее ноги, оставляя тоже гадостное ощущение по всем теле присутствия чего-то незнакомого, сильного, убивающего, мучающего.

Потом она сидела в поезде и бездумно смотрела в окно на проходящие дома, уютные, милые, такие далекие, которые, как ей казалось, совершенно не имели отношения к ее жизни.

Потом ей чудилось, как кого-то душили, рядом, били, были странные крики, шепот, детский плач, как будто все человечество, люди, костяные останки, вставные челюсти и грязные ветки в один миг обрушивались на нее, не давая идти

дальше.

Она снова шла, ноги одеревенели и отяжели. Снова шла, вспоминая тот день на пирсе, когда, наконец, приехала к нему, и жизнь снова приобрела смысл и наполненность.

Он тогда улыбался спокойнее и счастливее обычного. Улыбался, как будто показывая, что счастье, наполненность, радость – возможны. Еще возможны. Она так верила в эту возможность, постоянное понимания, гармонии, внутреннего счастья при встрече с ним, которое, как ей казалось, способно было существовать вне времени и пространства.

«Агу-га-га», – снова кричали птицы, как будто бы заглушая всю фальшь, ложь, агрессию, которые ее теперь окружали, все то фальшивое и ненужное, что сулила ей окружающая атмосфера каждодневной жизни. Ложь и нелюбовь.

«Дойду. Обязательно дойду», – говорила она сама себе, как будто бы снова и снова пыталась убедить себя, что есть смысл этому склизкому существованию вдоль ночного, кишящего насекомыми, леса.

Свет появился уже когда заплетались ноги. Он был тусклый, но появился ясно и четко сквозь кроны деревьев.

«Я дойду», – снова и снова повторяла она себе, не в силах отряхнуть те давящие эпизоды, которые один за одним проносились в ее голове.

«Я обязательно должна их полюбить», – снова и снова думала она о каждом встреченном ею человеке, и чем страннее звучали эти слова, гулко отдающие эхом и пульсом в ее

голове, тем больше она была уверена, что именно это она и должна сделать. Принять и полюбить.

Полюбить вон того зверя, из пасти которого шла аморфная жижа, при взгляде на него все внутри сжалось, и она почувствовала, как по ее лбу что-то потекло. Кровь. Чем больше крови текло по ее лбу, тем меньше слюны или жижи шло из пасти этого странного зверя, слегка похожего на тигра.

Полить вон ту лисичку – тень, рыжая тень метнулась, лишь на мгновение показавшись среди деревьев в дали. По лбу снова покатались капля за каплей, и она почувствовала соленый вкус во рту, уже не проверяя цвет пота.

Сердце снова стало пульсировать и на мгновение сжалось и остановилось. Она почувствовала, как воздуха снова не хватало, и как одна за одной, все картины прошедших событий, быстро сменяя друг друга, проносились перед глазами.

Он снова шел к ней по пирсу, загорелый, помолодевший, уже без одежды, только в накрахмаленной белой рубашке и серых шортах. Белокурые волосы развевались по ветру, и она снова чувствовала запах песка и соли.

«Должна дойти и вернуться», – мысль как будто не своя, а совершенно чужая, вновь и вновь пульсировала и била в виски.

Она чувствовала себя совсем усталой, а потом вдруг совершенно невесомой и легкой, как в детстве, без единственного намека на тяжесть, удрученность и боль.

В какой-то момент все внутри похолодело, как будто бы

жизненные силы взяли и оставили насовсем. Затем пульс вернулся. Раз-два, раз-два, убыстряясь возвращал странные капли, что текли со лба на щеки. Она в ужасе провела рукой по щеке, с удивлением обнаружив, что это была вовсе не кровь, а просто вода или слезы.

«Ты мой дружок», – снова и снова повторяла она, глядя и целую его шевелюру и теплые, сильные, такие родные руки.

«Я буду всегда любить тебя», – снова повторила она и проснулась, с удивлением обнаружив, что рядом никого не было, а солнце уже светило в окно, радужно возвещая, что давно полдень.

Изумрудная судьба с металлически-зеркальным оттенком звучания

Облака нависали над английскими полями, растворяя в пуховой белизне серо-металлические зеркальные осколки. Она ехала в поезде, быстро-быстро ехала, не оборачиваясь. Совсем на замечая, что уже давно не пасмурно, а светит солнце. Яркое. Почти летнее. Нежаркое, но совершенно отчетливо очерченное солнце.

Ей об этом солнце перед отъездом все рассказали. И лично, и по телефону. Рассказывали, что в эти дни в Великобритании неожиданно ярко светит солнце. Зеленовато-голубоватые поля с отливом радостно распростерты ярко-желтому диску, а говор кругом – особый: легкий, беглый, неспешный,

гортанные иностранные звуки фоном. Небо – вдруг – белоснежно – прозрачное, голубое, чуть салатное по цвету, в перине облаков, как бывает только на картинах старинных мастеров, где-нибудь на расписном потолке известного и чинного музея в провинциальном городке. Из какого-нибудь такого-вот музея или облака появляется вдруг смешной пузатый карапуз-ангел, и грозно направляет свои стрелы куда-нибудь – в-о-о-о-н туда! Он натягивает лук, а шея болит от закинутый головы, что пытается согнуться и дать посмотреть на ангела этого!

“Мне нравится балет! Very!” – вздох говорит англичанка, сидящая напротив нее. Молодой человек, одетый в спортивную куртку, пузатый и скучный, рассказывает что-то, что может показаться его спутнице – интересным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.